

— Прости. Я просто хотел поправить куртку, она давила в поясницу, было неудобно...

— А у меня спина немного чесалась.

Сговорившись без слов, оба закончили врать и тут же легли ровно, уставившись в звёздное небо так, будто за ночь там могло распуститься что-то новое.

Дышали они одинаково часто, грудь заметно поднималась и опускалась... А пока оба молча пытались привести дыхание в норму, до слуха начали доходить мелкие звуки, которые прежде они не замечали из-за слишком серьёзного разговора.

Из других палаток доносилось весьма интимное «общение» туристов. Люди и так сдерживались изо всех сил, спящий наверняка ничего бы не услышал, но... Ци Гу и Линь Ханьчжи-то не спали!

Какая-то парочка решила добавить острых ощущений среди ночи. Видимо, они были уверены, что все вокруг давно уснули, и приглушённые звуки постепенно становились громче.

Дальше слушать становилось всё более неловко. В общем, кто понял — тот понял.

В голове Ци Гу снова и снова прокручивался недавний поцелуй, а следом за ним совершенно естественно возникали уже совсем невыразимые фантазии.

Он представил, как Линь Ханьчжи тоже издаёт такие сорванные, чувственные звуки.

Из-за него.

Через несколько секунд у Ци Гу тоже успешно поднялась маленькая «палатка».

В голове стало совершенно пусто. Лицо и шея покраснели так, что любой врач наверняка решил бы, будто перед ним тяжёлая аллергическая реакция.

— Гугу... — Линь Ханьчжи ещё хотел что-то сказать, но получил суровый ответ:

— Не шуми. Я спать хочу!

Спать, конечно, не получалось.

Совсем.

К счастью, у той парочки и выносливость, и запас сил оказались средними. Через десять с лишним минут всё стихло, и на стоянку снова опустилась тишина.

Две маленькие «палатки» тоже постепенно успокоились.

Ночь углублялась. Внутри палатки наконец зазвучало два ровных дыхания, снаружи им вторили тихий плеск воды у озера и шорох листьев на ветру. Ци Гу и Линь Ханьчжи оба уснули.

На рассвете, когда первый луч утреннего света лёг на маленькую деревню, Ци Гу открыл глаза от рези.

Не проснувшись окончательно, он молча повернулся в другую сторону и совершенно естественно заполз глубже в спальник, оставив снаружи только лоб и макушку.

Но коварный солнечный луч всё равно ухитрился пробраться внутрь и ударить по глазам.

Немного подумав сквозь сон, Ци Гу обхватил лежавшую на нём руку, повернулся и забрался в объятия её владельца. Щекой он плотно прижался к груди Линь Ханьчжи и наконец перекрыл проклятое солнце.

Вот теперь хорошо.

Спокойной ночи, мир.

С этой мыслью Ци Гу снова удобно уснул.

Проснувшийся Линь Ханьчжи увидел Ци Гу, который сам его обнимал и ещё прятал лицо у него на груди.

Линь Ханьчжи огляделся: это рай.jpg?

Обнаружив, что всё-таки не рай, он даже слегка удивился. Затем крепче прижал Ци Гу, обнимавшего его за талию, и, словно ничего не произошло, снова заснул.

В следующий раз они проснулись в восемь. Ци Гу и Линь Ханьчжи открыли глаза почти один за другим и с редким единодушием сделали вид, будто проснуться в объятиях друг друга — совершенно обычное дело. Руки и ноги, обвившие другого, синхронно убрались.

— Встаём. Нужно вернуть палатку, а потом ехать в город на вокзал скоростных поездов, — напомнил Линь Ханьчжи.

Ци Гу вообще-то хотел ещё поваляться, но после такого напоминания пришлось, совершенно оглушённому сном, подниматься.

Обычно он выглядел спокойным и собранным. Единственное исключение за весь день — несколько минут сразу после пробуждения, когда голова у него буквально не работала.

С торчащими во все стороны волосами он попытался обуться и едва не перепутал левый и правый кроссовки. Только после подсказки Линь Ханьчжи до него дошло, что происходит.

А потом... он просто перевернул кроссовок в руках носком к себе и снова начал пытаться его надеть.

Линь Ханьчжи и представить не мог, что Ци Гу бывает таким. От умиления у него всё внутри поплыло, и страшно хотелось, чтобы Ци Гу ещё немного побыл сонным.

Но тот быстро окончательно проснулся. Причесал волосы, глядя в озеро, и снова вернул себе холодное бесстрастное лицо, словно сонный человек, который минуту назад пытался неправильно надеть обувь, был кем-то другим.

Линь Ханьчжи спрятал сожаление, вместе с подошедшим Ци Гу разобрал палатку, упаковал её в сумку, сам закинул на плечо и направился к дому Хуан Аньдао.

Глядя на спокойно шагавшего Ци Гу, он невольно подумал: если бы тот всё ещё был таким сонным... может, тогда удалось бы взять его за руку и вести?

Хм.

Почему это немного похоже на подозрительного дядьку, заманивающего доверчивого простачка?

*

С самого утра над домом Суфэнь вился дым, а аппетитный запах из трубы расплзался едва ли не на полдеревни.

Когда Ци Гу и Линь Ханьчжи вернулись, Хуан Аньдао, с рассвета сидевший на корточках у порога, тут же вскочил, отряхнул сзади пыль и с заметным акцентом сказал на путунхуа:

— Мастера вернулись! Ну как озеро Синъюэ? В палатке удобно спалось?

Он, как и Суфэнь, был неловким и немногословным. Эту длинную и гладкую фразу, вероятно,

репетировал всё время, пока сидел у двери, иначе так естественно не получилось бы.

— Пейзаж отличный. Спасибо, что посоветовали, — улыбнулся и поблагодарил Ци Гу.

В доме Суфэнь услышала голоса и вышла, вытирая руки:

— Мастера, заходите скорее. Я завтрак приготовила, только вас и ждём.

Для небогатой деревенской семьи завтрак был почти чрезмерно богатым: пельмени со свининой и шиитаке, огромные мясные баоцзы и рисовая каша с постной свининой и столетним яйцом. В деревне мясо считалось настоящей ценностью, поэтому Суфэнь не пожалела его ни в одно блюдо.

Готовила она хорошо, и Ци Гу наелся с огромным удовольствием.

После завтрака Ци Гу и Линь Ханьчжи сказали, что пора уезжать. Суфэнь тут же настояла, что проводит их.

Ци Гу сначала не понял, как именно. Оказалось, Суфэнь заранее договорилась с другой семьёй в деревне, у которой был грузовой трицикл. Она очень вежливо усадила гостей внутрь и вдобавок погрузила целый мешок местных продуктов.

Ци Гу мельком заглянул туда и увидел буквально всё: прозрачный от хорошей засолки бекон, сушёные грибы, огромный пакет вяленых колбас. Большую часть такого здесь жалели даже к Новому году. К тому же продукты были простые в готовке: положил в рисоварку, пропарил — и можно есть.

Очевидно, Суфэнь и Хуан Аньдао долго думали, что подарить.

Линь Ханьчжи доплатил водителю и с извинениями отменил уже заказанное такси, после чего вместе с Ци Гу сел на трицикл. Ветер развеивал волосы обоих, но они не выглядели растрёпанными — наоборот, в этом было что-то вольное и беззаботное. Под ярким солнцем они встретились взглядами и улыбнулись друг другу.

Что до Хуан Голяна, вскоре он умер — от последствий собственных поступков.

Прямых кровных родственников и детей у него не было, поэтому после смерти имущество разделили между роднёй. Суфэнь и Хуан Аньдао, поскольку в последнее время формально поддерживали с Хуан Голяном неплохие отношения, достались тот самый грузовой трицикл и 20 000 юаней сбережений.

Ровно то, что Хуан Голян когда-то бесстыдно обещал им, пытаясь замять дело.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949166>